

С. М. МАРКЕДОНОВ

СНГ-2: НЕПРИЗНАННЫЕ ГОСУДАРСТВА НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ (К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПРИРОДЫ ФЕНОМЕНА)

Для мирового сообщества непризнанные образования с формально-правовой точки зрения не существуют. Однако «виртуальный» характер существования этих государств не мешает им быть вполне реальными участниками «Большой игры» на постсоветском пространстве. Многие знаковые события на евразийском пространстве (СНГ-1) так или иначе связаны с политическими хитросплетениями вокруг своеобразного СНГ-2. Американизация и европеизация постсоветского пространства во многом вызвана стремлением признанных постсоветских государств (Грузия, Азербайджан, Молдова) вернуть военно-политический контроль за утраченными территориями (непризнанными образованиями). Появление ГУУ АМ (в возрожденном виде ГУАМ) как альтернативы СНГ – реакция на поддержку этих образований со стороны России. Нынешнее превращение Украины в новый центр силы на постсоветском пространстве также вызвано поисками альтернативных сценариев для формально не существующих образований.

Проблема непризнанных государств нередко сводится к формально-юридическому формату, между тем как речь не идет об исключительно правовых казусах. Спор признанных и непризнанных государств – необычный межгосударственный спор. Само возникновение подобного феномена, равно как и начало борьбы за признание – факт эмоционально-символического и социокультурного значения. Без внимания к этим моментам невозможно эффективное урегулирование межэтнических споров как неизбежного спутника зарождения непризнанных государственных образований. Трудно представить более перспективный аспект рассмотрения вопроса о соотношении

Маркедонов Сергей Мирославович — кандидат исторических наук, зав. отделом проблем межнациональных отношений Института политического и военного анализа.

формально-правовых и фактических аспектов государственного строительства (в равной степени нацистроительства, политической легитимации), чем изучение проблемы непризнанных государств. Немецкий мыслитель Фердинанд Лассаль говорил о существовании двух видов конституций: формального и фактического. Думается, что исследование выбранной темы более эффективно с позиций «фактического» конституционного права.

Начнем с самого главного – определения понятия «непризнанные государства». Подразумевается их непризнание мировым сообществом? Но сегодня само мировое сообщество как некий институт находится в глубоком политико-правовом и аксиологическом кризисе. К мировому сообществу имеют возможность апеллировать все государства: и признанные и непризнанные. В эпоху постмодерна, наступившую после распада ялтинско-потсдамского мира, не вполне понятны (так как еще не до конца прорисованы) контуры нового миропорядка, а значит и критерии признания (непризнания) некоего образования как самостоятельного государства. Что брать за основу? Единый суверенитет над подведомственной территорией? Тогда очевидно Грузию или Азербайджан не следовало бы признавать как государства, поскольку ни одно из этих образований к моменту своего официального признания не осуществляло единый суверенитет над всей территорией своего государства. К 1991 г. Азербайджан фактически утратил контроль над большей частью территории Нагорно-Карабахской автономной области (НКАО), а в 1994 – над семью собственно азербайджанскими районами. В 1992 г. Республика Молдова перестала контролировать самопровозглашенную Приднестровскую Молдавскую Республику (ПМР). В том же году из-под юрисдикции Грузии вышла большая часть территории Юго-Осетинской Автономной области, а в сентябре 1993 – Абхазия. В этом смысле и у России в конце 1991 – начале 1992 гг. и в сентябре 1996 г. могли возникнуть проблемы из-за Чечни, оказавшейся фактически вне российского правового и политического пространства. Кстати сказать, у непризнанных государств с обеспечением суверенитета также не все однозначно. Границы самопровозглашенных государств и бывших советских автономий (территориальных основ для будущих непризнанных образований) не всегда совпадают. В состав Нагорно-Карабахской республики (НКР) помимо территории бывшей НКАО в 1991 г. был включен армянонаселенный Шаумяновский район. На сегодняшний день силы самообороны НКР не контролируют этот район, также как и часть Мардакертского и Мартунинского районов бывшей НКАО. Отсюда и требования к азербайджанской стороне – прекратить «оккупацию территории Нагорного Карабаха». Абхазский суверенитет не распространяется на Кодорское ущелье (Абхазскую Сванетию). Весьма слабым является административный контроль непризнанной республики над грузиноязычным (точнее – мегрелоязычным)

Гальским районом. Южная Осетия фактически не контролирует грузинские анклав (например, село Тамарашени, которое в 2004 г. посетила супруга президента Грузии Михаила Саакашвили Сандра Рулофс), а Приднестровье (ПМР) лишь частично осуществляет свою юрисдикцию над Бендерами.

Непризнанные образования в политологической и публицистической литературе называют также «самопровозглашенными». Однако, по справедливому замечанию М. А. Колерова, такое определение не вполне корректно, поскольку среди крупнейших государств современного мира нет «несамостоятельных» (1).

Возможно, основой искомого определения следует признать критерий «состоятельности» государства? Тогда очевидно, что государственные институты (армия, полиция, чиновничий аппарат) НКР намного эффективнее азербайджанских, абхазские – намного результативнее грузинских (по крайней мере, в период президентства Эдуарда Шеварднадзе), а приднестровские (ПМР) не будут уступать молдавским. По мнению немецкого политолога Ш. Требста, именно государственная состоятельность – основное препятствие в рассмотрении непризнанных государств как бандитских анклавов, которым не нужны государственная символика, претензии на легитимность, а самое главное – государственно-исторический миф (2). Между тем идеологические системы непризнанных государств постсоветского пространства наскавозь историчны. Возникает несправедливый вопрос: «А что больше похоже на государство: Афганистан, Сомали, Либерия, являющиеся не более чем флагами на лужайке перед зданием ООН или НКР, Абхазия или Приднестровье?» Но самая большая проблема – это признание непризнанного государства его подданными. Можно сколько угодно обвинять в экстремизме политиков НКР, ПМР, Абхазии или Южной Осетии (и обвинять, заметим, справедливо), но их экстремизм опирался и опирается на массовую поддержку граждан. Более того, в любой миротворческой инициативе, направленной на разрешение спора между признанным и непризнанным государством, этот самый экстремизм должен быть учтен, иначе последствия могут иметь плачевный характер. Очевидно, что даже успешно «купив» абхазскую элиту, невозможно успокоить Абхазию при положительном решении вопроса о массовом возвращении грузинских беженцев не только в Гальский район, но и в Сухуми, Гагру, Леселидзе; а «покупка» властей ПМР не сделает жителей Приднестровья лояльными гражданами независимой Молдовы. Таким образом, непризнанные государства от самого факта отсутствия международного признания не перестают играть важнейшую политическую роль на постсоветском пространстве.

Для успешного разрешения проблемы непризнанных государств необходимо определить причины их массового появления в начале 1990-х гг. (свое-

образного «мирового рекорда», по словам британского эксперта Т. де Ваала) (3). На наш взгляд, следует выделить два фактора: международный и внутренний (последний – в большей степени социокультурный).

Анализ причин крушения ялтинско-потсдамской системы международных отношений не является предметом настоящей статьи. Тем не менее, отметим ряд принципиальных моментов. Среди первопричин «похорон Ялты» обычно называют два разнонаправленных процесса – объединение Германии и распад Советского Союза. Думается, что воссоединение «осси» и «весси» и исчезновение с карты государства, занимающего 1/6 часть суши, было бы вернее рассматривать лишь как следствие. Более важной, с нашей точки зрения, причиной краха «ялтинского мира» стали фундаментальные противоречия самой международной системы, в частности, противоречие между принципами территориальной целостности и нерушимости послевоенных границ и правом этнических меньшинств на самоопределение. И тот и другой принципы были зафиксированы во всех основополагающих декларациях и пактах ООН. Ялтинский мир создавался друзьями-врагами (такого радикального расхождения вчерашних союзников Версальский мир не знал). Этот мир неизбежно базировался на сдержках и противовесах, коими и стали упомянутые, с одной стороны, нерушимость границ и территориальная целостность, а с другой – защита прав этнических меньшинств. В 1975 г. в Хельсинки подвели черту под итогами второй мировой войны, торжественно провозгласив нерушимыми послевоенные границы. Но в то же время в Международном пакте о гражданских и политических правах ООН (принят 16 декабря 1966 г., вступил в силу 23 марта 1976 г.) шла речь о том, что «все народы имеют право на самоопределение... Ни один народ ни в коем случае не может быть лишен принадлежащих ему средств существования». Данный пакт, по сути, юридически формировал право народа на «свою» территорию с расположенными на ней природными богатствами. «Ничто в настоящем Пакте не должно толковаться как ущемление неотъемлемого права всех народов обладать и пользоваться в полной мере и свободно своими естественными богатствами и ресурсами» (4). Подобное противоречие открывало возможности для двойной международной бухгалтерии. Советский Союз, защищая священное право этнических меньшинств, апеллировал к борцам за «национальное освобождение» от «наследия колониализма», а США и их союзники были готовы защищать «права человека» и «ценности свободы». В результате два столпа ялтинского мира, два «полюса» международной системы укрепляли этносепаратизм и, как следствие, терроризм в борьбе друг с другом.

В одном случае можно было констатировать необходимость сохранения территориальной целостности, и тогда прав был Советский Союз, подавляв-

ший выступления различных национальных движений в 1989–1991 гг., в том числе грузинское (события 9 апреля 1989 г.) или армянское (операция МВД и МО СССР «Кольцо» в 1991 г. по разоружению армянских формирований фидайных). В другом случае, можно было поддерживать «молодые демократии», бросившие перчатку имперской власти. Если рассуждать с позиции защиты государственного единства СССР, то можно оправдать позицию абхазов (что с успехом делают историки и политологи этой непризнанной республики) как ориентированную на защиту территориальной целостности Союза ССР от сепаратистских поползновений Грузии (участие абхазов в референдуме 17 марта 1991 г. за сохранение СССР).

В любом случае, поражение СССР и Варшавского блока, распад внешней и внутренней советских «империй» (освобождение стран Центральной и Восточной Европы из-под политической опеки Советского союза и разрушение самого Союза) открыли шлюзы для свободного плавания «молодых демократий», положивших в основу своих идеологий принцип этнонационального самоопределения. По словам В. А. Никонова, «распад СССР положил начало явно недооцененному на Западе процессу формирования национальных государств. Никогда до 1991 года на планете не было таких организованных по этническому принципу суверенных стран...» (5). Новые суверенные государства бывшего СССР с момента приобретения независимости, где в явной, а где в закамуфлированной форме, совершили конвертацию принципа права наций на самоопределение в принцип территориальной целостности. «Сдержки и противовесы» были принесены в жертву делу «национального строительства». Следствием подобной «смены вех» стали этнополитические конфликты, переросшие в некоторых регионах (в особенности на Южном Кавказе) в «горячую фазу». По мнению президента Грузинского международного фонда международных и стратегических исследований А. Д. Рондели, подобный результат стал следствием неготовности элит новообразований Южного Кавказа к современному госстроительству: «Южный Кавказ был периферией Российской империи, но все же он был органичнее связан с остальным миром, нежели постсоветские Азербайджан, Армения и Грузия, в одночасье оказавшиеся суверенными государствами...» (6). В результате провала коммунистической теории и практики в нацреспубликах в составе Союза произошло заполнение идеологического вакуума посредством замены «интернационализма» идеей этнической собственности на землю. Центральным понятием новой идентичности выступает «своя» земля. Родная земля здесь рассматривается как святыня, чей статус совершенно независим от ее экономической или геополитической ценности. Абхазской стороне предлагается план возвращения грузинских беженцев в Гальский район, где они составляют подавляющее большинство. В качестве контраргумента выдвигается тезис о древней аб-

хазской Самурзакани, где этническое большинство было абхазским. Абхазскую элиту обвиняют в проведении этнической чистки, которой подверглись в 1993 г. более 200 тыс. грузин (составлявших до войны более 45%, то есть численное большинство республики), а в ответ представляются таблицы, из которых следует, что к началу вооруженного конфликта между грузинами и абхазами в 1992 г. грузины оказались большинством в результате процесса «грузинизации» абхазской территории, проводимого руководством Грузинской ССР.

Напротив, грузинскую сторону обвиняют в необоснованности силового подхода к разрешению абхазской проблемы. Самый распространенный ответ на подобного рода обвинения имеет приблизительно такую систему аргументации. Абхазия – земля с автохтонным грузинским населением, исторически принадлежащая Грузии, и никто кроме Грузии не имеет права устанавливать там свои порядки. Схожим образом армянская сторона говорит о более древнем своем появлении на территории Карабаха, а азербайджанская – о государственности своих соплеменников на этой же территории (Иреванское, Нахчыванское, Карабахское ханства). При таком подходе общественно-политические «картинки» мира разных конфликтующих сторон на Кавказе никогда не совместятся друг с другом. Для грузин борьба за Южную Осетию будет защитой грузинского Самачабло (то есть земли грузинских князей Мачабели) или Шида Картли («Внутренней Картли»), а для осетин – борьбой против «малой империи». Армянская «историософия» будет «брать план» Сумгаита и Баку, а азербайджанская ограничится только панорамой Ходжалы. Грузинская сторона будет помнить одну лишь этническую чистку 1993 г., а абхазы – процесс насильственной грузинизации и вторжение войск Госсовета Грузии в августе 1992 г.

«Своя земля» как идеологический концепт предполагает приоритет этнической коллективной собственности. Этнос и только он может выступать верховным собственником и распорядителем этой земли. При этом права на «свою землю» в отличие от обоснования прав собственности в гражданском праве трактуются произвольно, на основе исторического «презентизма», без учета реалий прошлого. Тот факт, что последовательная реализация принципа *jus primaе occupationis* в конечном итоге обесценивает сам концепт «своей земли», обычно не учитывается. В сознании лидеров национальных движений это не является логическим противоречием. В самом деле, если следовать подобной логике, то у греков будет не меньше прав на Абхазию, чем у абхазов и грузин, а удин можно будет признавать «заинтересованной стороной» в защите «своего» Карабаха.

Легитимация власти в постсоветских государственных новообразованиях проходила на основе «принципа крови» именно под лозунгом создания «сво-

их» государств, выражающих интересы «своей» земли. Но следование этому принципу в конечном итоге заложило мину замедленного действия под легитимность новых государств и национальных образований. При этом под легитимностью следует, на наш взгляд, понимать не только восприятие власти как законной, но и как выражающей интересы граждан. «Один этнос – одно государство» – не самый лучший подход для обеспечения легитимности власти в странах с полиэтничным и поликонфессиональным составом населения и с многочисленными образами «своих земель», поскольку он стимулирует возникновение непризнанных государств как попытку бегства к «своей земле». По словам Т. де Ваала, «не имеет смысла рассматривать это (непризнанные государства – **С. М.**) как временное явление, которое само по себе исчезнет». Эти образования успели обзавестись многими атрибутами государственности – госсимволикой, правительством и парламентом, бюджетом, армией, полицейскими силами и структурами безопасности, разработали основы национальной идеологии. Однако, по словам того же Томаса де Ваала, «не следует забывать, что эти образования утвердились как самоуправляющиеся единицы, только избавившись от больших сообществ...» А претензии на легитимность самопровозглашенных структур также основывались на апелляциях к «своей земле» (7). Родившись в результате «бегства» от нелегитимности признанных образований Южного Кавказа, непризнанные государства сами оказались в той же ловушке. Абхазия оказалась чужой для грузин, а НКР для азербайджанцев. Круг замкнулся.

Было бы серьезной ошибкой трактовать ожидания признанных и непризнанных образований на постсоветском пространстве исключительно как утопии и иллюзии, ведь за ними стоит тысячелетний исторический опыт. В условиях обретения политической свободы социумы бывших советских нацреспублик принялись спасать самое дорогое с их точки зрения, – свою этническую идентичность. Но, признав это, не стоит впадать в другую крайность и абсолютизировать цивилизационную и культурологическую «уникальность» соответствующих локальных менталитетов. Если бы эта «уникальность» получила импульсы в замкнутом географическом (геополитическом) пространстве, то можно было бы признать это пространство особой этнографической территорией. Но в условиях глобализации «вызовы», идущие от непризнанных государств, затрагивают не только интересы близлежащих стран, но и стран Европы и США. Отсюда возникает необходимость международной кооперации ведущих государств мира в обеспечении легитимности на постсоветском пространстве; кооперации по вполне прагматичным соображениям.

Поддержание очагов нестабильности на постсоветском пространстве нигде не принесло России существенных дивидендов. Проармянский крен российской политики и поддержка НКР обернулись для нас созданием Куль-

турного центра Чеченской Республики Ичкерия (январь 1995 г.) и офиса полпреда Ичкерии в мусульманских странах в Баку (1999 г.). «Неоценимую помощь в размещении беженцев нам оказал Азербайджан», – высказывался в свое время глава внешней разведки сепаратистской Ичкерии Х. А. Нухаев (8). Некоторое исправление азербайджанского вектора российской политики в 2000–2001 гг. привело к экстрадиции ряда чеченских сепаратистов из Азербайджана и появлению «Открытого письма Чеченских беженцев» президенту Азербайджана Гейдару Алиеву. В этом письме азербайджанская власть подверглась уничтожающей критике за «античеченскую политику». Проабхазский крен российской политики отозвался эхом в Панкисском и Кодорском ущельях в 2001–2002 гг. Вместе с тем, очевидно, что разрешение своих социально-экономических и этнополитических проблем граждане непризнанных государств связывают с Россией. Просто «сдать» их было бы столь же непростительной ошибкой, как поддержать в одностороннем порядке в начале 1990-х. «Сдача» Южной Осетии и Абхазии повлечет за собой дестабилизацию этнополитической ситуации в Северной Осетии, Адыгее, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии. Односторонние уступки России в карабахском урегулировании вызовут резкое неприятие армянской диаспоры (самой многочисленной в мире, хорошо структурированной и экономически сильной).

Как же приблизиться к разрешению проблемы непризнанных государств? Во-первых, очевидно, что проблема непризнанных государств, отколовшихся от официально признанных, не решаема в формате их совместных переговоров по причине отсутствия взаимного доверия и ресурсов для выполнения любых гарантий. Этот факт требует признания, а не политкорректного умолчания. Во-вторых, необходимо прагматичное, а не романтическое миротворчество. Иной выбор – дать судьбе свершиться и прибегнуть к «последнему доводу королей». Очевидно, что реализация «фаталистического сценария» не даст ничего кроме очередной масштабной дестабилизации на просторах СНГ. Значит, прагматичное миротворчество как путь к решению проблемы рассматриваемой проблемы безальтернативно.

Но оно потребует отказа от любых умозрительных гуманитарных схем, как то: немедленное возвращение беженцев и предоставление отколовшимся непризнанным государствам особого статуса. Пора понять, что беженцы – это не просто старики и дети, но и владельцы движимого и недвижимого имущества, кем-то давно занятого и обжитого. Беженцы – это также изменение этнодемографической ситуации и неизбежно возникающий вопрос: «За что боролись?» Очевидно, что такого рода вопросы – не самый лучший фон для разрешения межэтнических споров. При этом беженцам должна быть выплачена компенсация за материальный и моральный ущерб и выделены средства на обустройство на новом месте при помощи международных финансовых институтов.

Как бы, на первый взгляд, цинично ни выглядели подобные проекты – это единственная возможность избежать нового передела собственности, сфер влияния, а также обострения межэтнических отношений в Абхазии, НКР, в меньшей степени в Южной Осетии и Приднестровье. Увы, но результаты этнических чисток начала 1990-х гг. придется признать ради недопущения новых межэтнических эксцессов и тех же чисток. Опыт Косово и Сербской Краины должен стать уроком-предостережением для постконфликтного урегулирования на постсоветском пространстве, в то время как «дейтонская схема» может быть творчески апробирована. Россия, Европейский Союз и США могли бы выступить гарантом стабильности власти и собственности в непризнанных государствах. Очевидно, что только при условии гарантии сохранения завоеванных ресурсов (и административных рент!) нынешняя элита непризнанных государств, ставшая таковой благодаря военным успехам, сможет согласиться на существование в «матрешечном» (по дейтонскому образцу) признанном государстве.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Колеров М. А. Непризнанная жизнь // Апология. Новый гуманитарный журнал. – 2005. – № 5. – С. 48.
2. Troebst S. «We are Transnistrians!»: Post-Soviet Identity Management in the Dniester Valley // *Ab imperio*. – № 1. – 2003. – P. 437–467.
3. Ваал Т. де. Угрозы безопасности на Южном Кавказе // *Вестн. Европы*. – 2003. – Т. VII–VIII. – С. 38.
4. Международный пакт о гражданских и политических правах ООН // www.memo.ru/prawo/fund/pakt.66p.htm
5. Никонов В. А. Назад к концерту // *Россия в глобальной политике*. – 2002. – № 1. – С. 85.
6. Рондели А. Южный Кавказ и Россия // *Вестн. Европы*. – 2003. – Т. VII–VIII. – С. 43.
7. Ваал Т. де. Указ. соч.
8. «Лимит политического диалога с Россией еще не исчерпан»: интервью с Хож-Ахмед Нухаевым // *Зеркало*. – 2000. – 22 янв.